

СТЕПЕНЬ ОСТРОТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРА РОССИИ
Берендеева А.Б., Рычихина Н.С.

Берендеева Алла Борисовна, Рычихина Наталья Сергеевна (ORCID 0000-0001-9872-424X)
Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия. 153025, Ивановская область, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39.
E-mail: abab60@mail.ru, richihina@mail.ru

Рассмотрены тенденции воспроизводства населения в России с выделением негативных явлений, процессов, тенденций как демографических вызовов. Проанализирована динамика численности населения, структуры населения по полу, возрасту, соотношению городского и сельского населения, показатели рождаемости и смертности населения – на примере четырех регионов Центрального федерального округа: Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей. Рассмотрены факторы, влияющие на динамику основных демографических показателей.

Ключевые слова: демографические вызовы, численность населения, депопуляция, суженное воспроизводство, структура населения, Владимирская область, Ивановская область, Костромская область, Ярославская область.

**ACUTE DEMOGRAPHIC CHALLENGES IN THE REGIONS
OF THE CENTER OF RUSSIA**
Berendeeva A.B., Rychikhina N.S.

Berendeeva Alla Borisovna, Rychikhina Nataly Sergeevna (ORCID 0000-0001-9872-424X)
Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia. 153025, Ivanovo region, Ivanovo, st. Ermak, 39.
E-mail: abab60@mail.ru, richihina@mail.ru

The tendencies of population reproduction in Russia are considered with the allocation of negative phenomena, processes, trends as demographic challenges. The population dynamics, population structure by sex, age, the ratio of urban and rural population, birth and death rates of the population are analyzed using the example of four regions of the Central Federal District: Vladimir, Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions. The factors influencing the dynamics of the main demographic indicators are considered.

Keywords: demographic challenges, population size, depopulation, narrowed reproduction, population structure, Vladimir region, Ivanovo region, Kostroma region, Yaroslavl region.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема демографической безопасности России и демографических вызовов привлекает внимание специалистов разных областей научного знания – экономики, демографии, социологии, географии, др. [1]

Для нашей страны одной из системных проблем выступает дифференциация российских регионов. По мнению Е.Е. Николаевой «резкую дифференциацию регионов следует рассматривать как деформацию социально-экономической системы, как отклонение от нормы, как неадекватность складывающихся воспроизводственных пропорций требованиям объективных экономических законов, а также сложившимся в обществе общественно необхо-

димым социальным потребностям, стандартам, институциональным нормам» [2].

Как отмечает Л.Г. Батракова, наряду с межрегиональным, существует более устойчивое и масштабное внутрирегиональное неравенство [3]. А. Гаязов, Г. Ахметова, И. Утяшева и Н. Шамсутдинова констатируют значительную дифференциацию значений таких демографических показателей, как суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, естественный и миграционный прирост и др. между городским и сельским населением [4]. В нашей стране демографические вызовы связаны со следующими явлениями, процессами и тенденциями:

• *депопуляция российского населения.* В настоящее время существуют две парадигмы семьи: *парадигма модернизации*, в рамках которой все, и негативные, и позитивные изменения семьи воспринимаются и интерпретируются как частные, специфические проявления общего и прогрессивного процесса модернизации семьи и воспроизводства населения, смены одного их типа («традиционного») другим («современным») в рамках модернизации всего общества (индустриализации, урбанизации, эмансипации женщин и детей и т.д.); *парадигма кризиса семьи*, охватившего семью и ценности семейного образа жизни (ослабление социально-нормативной регуляции семейности, трансформация культурных символов и образцов, снижение ценности брака, семьи с детьми, единства всех семейных поколений) [5]. К решению данных проблем и приковано внимание ученых [6].

Существует теория демографического перехода – перехода от состояния «высокая рождае-

мость и высокая смертность» к состоянию «низкая рождаемость и низкая смертность», объясняющая неизбежность малодетной семьи. Как отмечает А.Б. Сине-льников, теория демографического перехода «признает непрочность и малодетность большинства современных семей необратимыми и позитивными феноменами, неразрывно связанными с модернизацией общества». Сторонники данной теории («модернизаторы») считают этот переход прогрессивным процессом, который происходит в одних странах раньше, в других – позже и который является причиной депопуляции в том числе в нашей стране [7]. Данный процесс усугубился пандемией, которая привела к росту показателей смертности населения.

Как видно из табл. 1, с 2016 г. естественная убыль в нашей стране происходит с ускорением, а миграционный прирост с 2018 г. не покрывает естественную убыль. Так в 2019 г. убыль населения России составила 0,02 %, в 2020 г. (пандемия covid-19) – 0,39 %.

Таблица 1

Компоненты изменения общей численности России (тыс. чел.) [8]
Table 1. Components of change in the total number of Russia (thousand people) [8]

	Численность населения на 1 января	Изменения за год			Численность населения на 31 декабря	Общий прирост за год, процентов
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост		
2015	146 267,3	277,4	32,0	245,4	146 544,7	0,19
2016	146 544,7	259,7	-2,3	262,0	146 804,4	0,18
2017	146 804,4	76,0	-135,8	211,8	146 880,4	0,05
2018	146 880,4	-99,7	-224,6	124,9	146 780,7	-0,07
2019	146 780,7	-32,1	-317,2	285,1	146 748,6	-0,02
2020	146 748,6	-577,6	-702,1	124,5	146 171,0	-0,39

По оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 марта 2022 г. составила 145,3 млн. чел. С начала года численность населения сократилась на 220,5 тыс. чел., или на 0,15 % (за аналогичный период предыдущего года – уменьшилась на 156,9 тыс. чел., или на 0,11 %). В январе-феврале 2022 г. наряду с естественной убылью (-178,7 тыс. чел.) наблюдался и миграционный отток (-41,8 тыс. чел.) [8].

• *сокращение населения в сельской местности.* Доля сельского населения составляла по РФ 25,3 %, а, например, в Ивановской области – 18,2 %, Ярославской области – 18,5 % [9]. Ученые пишут о демографическом сжатии населения малых населенных пунктов. Например, только за 2010–2016 гг. сокращение числа сельских поселений наблюдалось в 54 субъектах РФ. Для си-

стемы управления на субрегиональном уровне, особенно для сельских поселений с небольшой численностью населения, типичны проблемы отсутствия «точек роста» и дотационности местных бюджетов, низкого уровня предпринимательской активности [10].

Актуальна тема депопуляции малых и моногородов. Так, риски моногородов связаны с кризисом градообразующих предприятий, узкой специализацией экономической деятельности. При этом исследования показывают, что естественное и миграционное движение населения малых городов по своему характеру и интенсивности имеет много общего с процессами, протекающими в сельской местности.

В свою очередь, в больших селах, расположенных в пригородах крупных городов и региональных центров, демографические процессы протекают относительно благополучно [4].

• *сокращение рождаемости, переход семьи к нуклеарному типу, преобладание суженного типа воспроизводства.* По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения Росстата (последнее исследование было проведено в 2017 г.) почти 37 % российских женщин в возрасте от 18 до 44 лет, участвовавших в опросе, родили одного ребёнка, около 27 % – двоих детей, примерно 6 % – троих, немногим более 1 % – четверых и более детей. Почти 30 % опрошенных россиянок не познали радость материнства. Увеличился средний возраст матери при рождении детей. Так, за 2000–2004 гг. средний возраст матери при появлении первенца составлял 22,3 г., за 2015–2017 гг. вырос на 3,8 года и составил 26,1 г. [11]

Характерным феноменом в настоящее время является сознательный отказ от деторождения (так называемая «осознанная бездетность»), набирающий популярность в настоящее время. По данным З.Х. Коблевой мотивационная сфера у сознательно бездетных супругов, особенно у женщин чаще реализуется мотивом самореализации в профессиональной деятельности, при этом чаще всего принятие решения об отказе рождения ребенка исходит от женщин репродуктивного возраста, которые не хотят отвлекаться от карьеры и личностного роста ради деторождения и создания семьи. По критериям профессиональной квалификации: успешности и уровню профессиональной подготовки бездетные женщины в сравнении с матерями оказываются более социально адаптированными [12].

Анализ И. Кульковой показал, что почти треть женщин могут изменить свои репродуктивные планы в связи с пенсионной реформой: изменения репродуктивного поведения являются разнонаправленными: часть женщин проявили намерение родить еще ребенка в связи с появлением возможности выйти на пенсию раньше малолетних и бездетных, другая – сократить ожидаемое число детей. Основной причиной возможного положительного влияния пенсионной реформы на репродуктивное поведение женщин оказалась возможность раньше выйти на пенсию (при наличии трех и более детей).

Негативное влияние пенсионной реформы на рождаемость, по данным опроса связано с возможным сокращением поддержки со стороны дедушек и бабушек в присмотре за детьми в связи с повышением возраста выхода на пенсию, поскольку почти 60% женщин рассчитывают на такую помощь в случае рождения ребенка [13].

В большинстве семей с появлением ребёнка ухудшается материальное положение. Например, исследование В. Архангельского, В. Елизарова, Н. Джанаевой показало, что собирающиеся и не собирающиеся семьи иметь ещё ребёнка различаются по четырем параметрам. «У тех, кто собирается иметь ещё ребёнка, в среднем меньше число имеющихся детей (т.е. у них это чаще намерение в отношении рождения первого и второго ребёнка), более высокая значимость детей и меньший «проигрыш» в значимости материальному благополучию, более высокие среднедушевые доходы и относительно более высокая оценка уровня жизни семьи» [14].

– *Общий коэффициент рождаемости* в России снизился по годам с 23,2 промилле (1960) до 15,7 (1965), 13,4 (1990), 8,3 (1999), 13,3 (2012), 12,9 (2016), 10,9 (2018), 9,8 (2020);

– *Суммарный коэффициент рождаемости* (СКР) снизился с 2,417 (1961–1962), до 1,193 (1995), 1,045 (1999). Далее наблюдается рост: 1,189 (2002), 1,439 (2010), 1,672 (2016), 1,579 (2018), 1,505 (2020). Но резервы роста данного показателя исчерпаны и в целом остается тип воспроизводства населения страны суженный (граница простого воспроизводства для России составляет 2,1–2,15) [9];

– *Чистый коэффициент воспроизводства населения / нетто-коэффициент воспроизводства* (характеризует степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности.) сократился с 1,1 (1961–1962) до 0,54 (1999) и 0,84 (2016), 0,72 (2020). Сокращение численности сельского населения негативно влияет на воспроизводство населения России: чистый коэффициент воспроизводства для сельского населения (0,83) выше для городского населения (0,686) [15].

Одним из факторов снижения рождаемости (наряду с демографическим переходом) является *сокращение численности женщин детородного возраста*. Наши расчеты на основе Демографического ежегодника России показали, что в 2021 г. численность женщин возрастной группы 20–24 г. меньше, чем в 2010 г. на 2,67 млн чел., группы 25–29 лет – почти на 1,8 млн чел. Основное число новорожденных приходится на возрастные интервалы матерей 20–29 лет, при этом, начиная с 2009 г. в России максимальное число рожденных детей уже приходится на возраст не 20–24 г., а 25–29 лет, т.е. происходит откладывание рождения первого ребенка [15];

• *постарение населения:*

а) средний возраст населения на 1 января составил (лет) 34,9 (1990), 37,6 (2002), 38,9 (2010), 39,7 (2017). То есть средний возраст россиянина с 1990 г. вырос на 4,8 г.;

б) доля лиц старше трудоспособного возраста выросла по России в общей численности населения на конец года с 20,5 (2005) до 25,4 % (2017) [12].

В исследовании В. Доброхлеб и В. Барсукова показано, что в странах, где наблюдается существенное увеличение доли и численности старшего поколения, происходит снижение темпов экономического роста. Как отмечают авторы, «Россия...после завершения фазы реализации демографического дивиденда находится в промежуточном состоянии между «старением снизу» и «старением сверху» в связи с тем, что рождаемость находится на достаточно низком уровне, а смертность в старших возрастах по-прежнему существенно выше, чем в развитых странах [16].

- *диспропорция по полу (асимметрия полов) в российской половозрастной пирамиде.* Диспропорция полов меньше в регионах с более молодым населением. Соответственно, этот разрыв максимальный – в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, где выше показатели постарения населения, минимальный – в Северо-Кавказском федеральном округе, где выше доля молодых возрастов. Наше исследование показало, что коэффициенты демографической нагрузки и общие коэффициенты рождаемости оказывают определяющее воздействие на соотношение мужчин и женщин в российских регионах, в частности снижение рождаемости связано с постарением и ростом демографической нагрузки [17-18].

- *ухудшение показателей здоровья населения.* С 1960-х гг. наблюдается рост общего коэффициента смертности населения: 7,4 промилле (1960), 15,0 (1995), 16,4 (2003), 14,2 (2010), 12,9 (2016). Сохраняется сверхсмертность мужского населения, когда возрастные коэффициенты мужской смертности выше аналогичных показателей женской смертности в разы, особенно в трудоспособном возрасте (что не характерно для развитых стран). Главный ресурс повышения продолжительности жизни в нашей стране для старших возрастных групп (старше 50 лет) – это снижение смертности, прежде всего, от заболеваний системы кровообращения и новообразований, а для более молодых возрастных групп, особенно мужчин, – снижение смертности от внешних причин смерти, именно на них приходится наибольший демографический и социально-экономический ущерб [18].

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе данных Росстата мы проанализировали данные по основным демографическим показателям на примере регионов Центрального федерального округа (ЦФО) – Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей.

В качестве *основных демографических показателей* выступают численность населения, доля городского и сельского населения, соотношение мужчин и женщин, возрастной состав населения, показатели рождаемости (общий и суммарный коэффициенты рождаемости), смертности (общий коэффициент смертности), естественного прироста / убыли, др.

Проанализируем динамику *численности населения* регионов. Как видно из табл. 2, в областях Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской население снижается: за 2005-2020 годы во Владимирской области оно снизилось с 1486 до 1342 (на 144 тыс. чел., или на 9,7 %), Ивановской области – с 1102 до 987 (на 115 тыс. чел., или на 10,4 %), Костромской области – с 700 до 628 чел. (на 72 тыс. чел., или на 10,3 %), Ярославской области – с 1313 до 1241 (на 72 тыс. чел., или на 5,5 %).

Таким образом, в Ивановской и Костромской областях темпы сокращения численности населения самые высокие из данных 4 областей. Население Центрального федерального округа (ЦФО) растет за счет Москвы (рост за 2005–2020 гг. с 10924 до 12655 тыс. чел., или на 15,8 %) и Московской области (с 6784 до 7708 тыс. чел., или на 13,7 %).

Основная часть населения указанных регионов, как и России в целом, проживает в городах. *Доля городского населения* в 2020 г. составила (в порядке убывания) в Ивановской области – 81,8 %, Ярославской – 81,5 %, Владимирской – 78,2 %, Костромской – 73,0 % [9].

Проанализируем *соотношение мужчин и женщин в России*. Если в целом по стране в 2020 г. на 1000 мужчин приходилось 1165 женщин, то данный показатель во Владимирской области составил 1158, Ивановской – 1206, Костромской – 1174, Ярославской – 1224 [9], что свидетельствует о диспропорции населения по полу, которая наиболее заметная в Ярославской и Ивановской областях.

В научных публикациях по демографии и миграциологии в качестве основных факторов, влияющих на диспропорцию полов, рассматриваются:

Численность населения (оценка на конец года; тыс. чел.) [9]
Table 2. Population size (estimated at the end of the year; thousand people) [9]

	2005	2010	2015	2018	2019	2020	Снижение /рост за 2005-2020 годы
Российская Федерация	143 236	142 865	146 545	146 781	146 749	146171	+2,0
Владимирская область	1 486	1 441	1 397	1 366	1 358	1342	-9,7
Ивановская область	1 102	1 060	1 030	1 004	997	987	-10,4
Костромская область	700	666	651	637	633	628	-10,2
Московская область	6 784	7 106	7 319	7 599	7 691	7708	+13,7
Ярославская область	1 313	1 271	1 272	1 260	1 254	1241	-5,5
г. Москва	10 924	11 541	12 330	12 615	12 678	12655	+15,8

б) различия в смертности мужчин и женщин (в России имеет место сверхсмертность мужского населения и, соответственно, более низкая, по сравнению с женщинами, продолжительность жизни мужчин);

в) структурный фактор: высокая доля старшего поколения, где преобладает женское население, и низкая доля молодежи до 30 лет, где преобладает мужское население (данный фактор выступает как следствие низкой рождаемости с 1990-х гг. в России А.Б. и сверхсмертности мужчин, особенно в трудоспособном возрасте);

г) различия в интенсивности миграций мужчин и женщин (преобладание мужской миграции) [18-20]. Диспропорция полов в активном репродуктивном возрасте влияет на решение социально-демографических проблем общества: вследствие высокой смертности мужчин данных возрастов происходит утрата мужей и отцов в семьях, женихов на брачном рынке и, как следствие, при прочих равных условиях влияет на снижение рождаемости. Потенциальные матери не могут реализовать свои репродуктивные установки из-за нехватки или потери брачного партнера. При этом растут затраты государства на поддержку неполных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выплату пенсий по потере кормильца и т.д. Возможные стратегические направления решения данных проблем рассмотрены в работах И.В. Корнева [21], Н.С. Рычиной [22], М.В. Чумакова, А.А. Елизаровой, А.Б. Берендеевой [22], О.О. Коробовой [24] и других ученых.

Проанализируем *возрастной состав населения*. Как видно из табл. 3, за 2005–2020 гг. население *молодежь трудоспособного возраста* в обследуемых регионах немного выросло: во Владимирской области – с 14,4 до 16,6 %, Ивановской – с 14,4 до 16,4 %, Костромской – с 15,4 до 18,4 %, Ярослав-

ской – с 14,3 до 17,4%. Население *трудоспособного возраста* сократилось: во Владимирской области – с 61,3 до 54,4 % (на 6,9 %), Ивановской – с 60,8 до 55,0 % (на 5,8 %), Костромской – с 61,7 до 53,5 % (на 8,2 %), Ярославской – 61,2 до 54,5% (на 6,7 %). При этом доля лиц *старше трудоспособного возраста* росла и составила в регионах (2020) 28,1–29 % [9]. В связи с повышением возраста выхода на пенсию с 2019 г. составлен график выхода на пенсию по годам рождения с переходом к пенсионному возрасту для мужчин 65 лет, женщин – 60 лет. Коэффициент *демографической нагрузки* (на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных) составила на 1 января 2021 г. (в порядке убывания: в Костромской области – 870 чел., во Владимирской – 838, Ярославской – 836 и Ивановской – 817 [9] Проанализируем показатели *рождаемости* в 4 регионах ЦФО. Как видно из табл. 4, общие коэффициенты рождаемости за 2005–2020 гг. сократились во всех регионах во Владимирской области – с 9,1 до 7,5 промилле (‰), Ивановской – с 8,7 до 7,6 ‰, Костромской – с 9,8 до 8,5 ‰, Ярославской – 9,3 до 8,5‰ [9]. При этом самая низкая рождаемость во Владимирской (79 место в РФ) и Ивановской (78 место в РФ) областях – на 0,9 промилле ниже, чем в Костромской и Ярославской областях. Проанализируем *суммарный коэффициент рождаемости*. Как видно из табл. 5, за 2005–2020 гг. СКР в регионах рос и достиг максимума в 2015 г. для Владимирской области – 1,730, Ивановской – 1,829, Костромской – 1,890, Ярославской – 1,695. В последующие годы наблюдалось снижение СКР, но в итоге с 2005 г. СКР слегка вырос: во Владимирской области – с 1,252 до 1,268 (на 0,016), Ивановской – с 1,183 до 1,239 (на 0,056), Костромской – с 1,334 до 1,464 (на 0,13), Ярославской – с 1,254 до 1,364 (на 0,11). Таким образом, лучшие

показатели прироста – у Костромской и Ярославской областей.

Таблица 3

Возрастной состав населения в регионах (оценка на конец года; в процентах от общей численности населения) [9]

Table 3. Age composition of the population in the regions (estimated at the end of the year; as a percentage of the total population) [9]

	Население моложе трудоспособного возраста		Население в трудоспособном возрасте		Население старше трудоспособного возраста	
	2005	2020	2005	2020	2005	2020
Владимирская область	14,4	16,6	61,3	54,4	24,3	29,0
Ивановская область	14,4	16,4	60,8	55,0	24,8	28,6
Костромская область	15,4	18,4	61,7	53,5	22,9	28,1
Ярославская область	14,3	17,4	61,2	54,5	24,5	28,1

Таблица 4

Общие коэффициенты рождаемости

(число родившихся на 1000 чел. населения, промилле)

Table 4. General birth rates (number of births per 1000 population, ppm)

	2005	2010	2015	2018	2019	2020	Место, занимаемое в РФ 2020
РФ	10,2	12,5	13,3	10,9	10,1	9,8	
ЦФО	8,7	10,7	11,7	9,9	9,3	9,0	8
Владимирская область	9,1	10,8	11,6	9,3	8,1	7,5	79
Ивановская область	8,7	10,4	11,4	9,0	7,9	7,6	78
Костромская область	9,8	12,1	12,5	9,7	9,1	8,5	61
Ярославская область	9,3	11,2	12,2	9,8	8,9	8,5	60

Таблица 5

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину) [9]

Table 5. Total fertility rate (number of children per 1 woman) [9]

	2005	2010	2015	2018	2019	2020
Российская Федерация	1,294	1,567	1,777	1,579	1,504	1,505
ЦФО	1,160	1,367	1,575	1,441	1,396	1,407
Владимирская область	1,252	1,462	1,730	1,491	1,355	1,268
Ивановская область	1,183	1,398	1,629	1,403	1,270	1,239
Костромская область	1,334	1,650	1,890	1,610	1,543	1,464
Ярославская область	1,254	1,487	1,695	1,465	1,373	1,364

Проанализируем показатели *смертности* в 4 регионах ЦФО. Как видно из табл. 6, общие коэффициенты смертности за 2005–2020 гг. в регионах снизились: во Владимирской области – с 20,2 промилле до 18,3, Ивановской – с 22,0 до 17,7, Костромской – с 21,3 до 16,7, Ярославской – с

20,1 до 17,3 промилле [9]. Самый высокий общий коэффициент смертности – во Владимирской области (81 место в РФ в 2020 г.) и в Ивановской области (76 место). Коэффициент младенческой смертности самый низкий – в Ивановской области (18 место в РФ) и Ярославской (21 место в РФ).

Таблица 6

Коэффициенты смертности населения регионов РФ, промилле [9]
Table 6. Mortality rates of the population of the regions of the Russian Federation, ppm [9]

	Общие коэффициенты смертности*							Коэффициент младенческой смертности**	
	2005	2010	2015	2018	2019	2020	Место в РФ 2020	2020	Место в РФ 2020
РФ	16,1	14,2	13,0	12,5	12,3	14,6		4,5	
ЦФО	17,1	15,2	13,5	12,9	12,6	15,1	6	3,9	2
Владимирская область	20,2	18,0	16,5	16,0	15,6	18,3	81	6,0	76
Ивановская область	22,0	18,4	16,0	16,1	15,8	17,7	76	3,7	18
Костромская область	21,3	17,7	16,0	14,9	14,7	16,7	62	7,7	84
Ярославская область	20,1	17,2	15,6	14,9	14,7	17,3	70	3,7	21

* число умерших на 1000 чел. населения

** (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)

Положительной тенденцией выступает снижение смертности населения в трудоспособном возрасте во всех рассматриваемых регионах. Число умерших на 100 тыс. населения составляет во Владимирской области – 679,1, Ивановской – 632,5, Костромской – 581,4, Ярославской – 616,2. В г. Москве данный показатель составляет, например, 374,0 [9]. Как видно из табл. 7, смертность населения без учета смертности от внешних причин по-прежнему выше во Владимирской области (1772 чел. на 100тыс. жителей) и ниже в Костромской области (1580,8 чел. на 100тыс. жителей). Проанализируем *естественный прирост* /

убыль населения в 4 регионах. Как видно из табл. 8, за 2005–2020 гг. несмотря на сокращение общего коэффициента смертности населения, наблюдалось снижение общего коэффициента рождаемости, который в 2020 г. был ниже коэффициента смертности во Владимирской области на 10,8 %, Ивановской – на 10,1 %, Костромской – на 8,2 %, Ярославской – на 8,8%. В 2020 г. коэффициент смертности превышал коэффициент рождаемости во Владимирской области – в 2,44 раза, Ивановской – в 2,33 раза, Костромской – почти в 2 раза, в Ярославской – в 1,34 раза.

Таблица 7

Смертность населения (без показателя смертности от внешних причин)
(число умерших на 100 000 чел. населения) [9]
Table 7. Mortality rate (without mortality from external causes)
(number of deaths per 100,000 population) [9]

	2011	2015	2018	2019	2020
РФ	1 207,6	1 182,3	1 147,1	1 131,5	1 364,9
ЦФО	1 278,6	1 244,5	1 206,2	1 180,9	1 423,9
Владимирская область	1 564,7	1 518,2	1 495,7	1 452,4	1 722,0
Ивановская область	1 545,0	1 489,7	1 501,3	1 490,7	1 672,8
Костромская область	1 489,7	1 468,0	1 389,1	1 377,2	1 580,8
Ярославская область	1 431,0	1 419,4	1 383,8	1 362,3	1 624,3

Коэффициенты рождаемости и смертности населения регионов РФ, промилле [9]
Table 8. Birth and death rates of the population of the regions of the Russian Federation, ppm [9]

	2005		2015		2020	
	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности
Владимирская область	9,1	20,2	11,6	16,5	7,5	18,3
Ивановская область	8,7	22,0	11,4	16,0	7,6	17,7
Костромская область	9,8	21,3	12,5	16,0	8,5	16,7
Ярославская область	9,3	20,1	12,2	15,6	8,5	17,3

К числу основных демографических показателей также относятся общие коэффициенты брачности и разводимости. Мы их не включили в анализ, поскольку данные показатели отражают только зарегистрированную брачность и разводимость и не отражают статистику гражданских браков и разводов. По данным Росстата на 1000 зарегистрированных браков приходится разводов: во Владимирской области – 708, Ивановской – 839, Костромской – 854, Ярославской – 713 [9].

ВЫВОДЫ

В качестве демографических вызовов (негативных явлений, процессов, тенденций) современной России выступают: депопуляция населения страны; сокращение населения в сельской местности, большинстве малых и моногородов; сокращение рождаемости, переход семьи к нуклеарному типу, преобладание суженного типа воспроизводства; сокращение численности женщин детородного возраста; постарение населения; диспропорция населения по полу; ухудшение показателей здоровья населения.

Наше исследование за 2005-2020 гг. показало следующее: население обследуемых 4 регионов сокращается: во Владимирской области оно снизилось на 9,7 %, Ивановской области – на 10,4 %, Костромской области – на 10,3 %, Ярославской области – на 5,5 %. при этом в Ивановской и Костромской областях темпы сокращения численности населения самые высокие.

Население Центрального федерального округа растет за счет Москвы и Московской области. За 2005–2020 гг. население моложе трудоспособного возраста в обследуемых регионах немного выросло, а трудоспособного возраста – сократилось: во Владимирской области – на 6,9 %, Ивановской – на 5,8 %, Костромской – на 8,2 %,

Ярославской – на 6,7%. При этом доля лиц старше трудоспособного возраста росла и составила в регионах в 2020 г. 28,1–29 %, что характеризует наступление «демографической старости» населения региона.

Коэффициент демографической нагрузки самый высокий в Костромской области. Общие коэффициенты рождаемости за 2005–2020 гг. сократились во всех регионах, при этом самая низкая рождаемость – во Владимирской и Ивановской областях.

За данный период суммарный коэффициент рождаемости в обследованных регионах вырос, но его величина – ниже границы простого воспроизводства (2,1–2,15), лучшие показатели прироста – в Костромской и Ярославской областях.

Общие коэффициенты смертности за 2005–2020 гг. в регионах снизились: во Владимирской области, при этом самый высокий коэффициент смертности – во Владимирской (81 место в РФ в 2020 г.) и в Ивановской области (76 место). Коэффициент младенческой смертности самый низкий – в Ивановской (18 место в РФ) и Ярославской области. Положительной тенденцией выступает снижение смертности населения в трудоспособном возрасте во всех рассматриваемых регионах.

Общий коэффициент смертности превышает общий коэффициент рождаемости во Владимирской области – в 2,44 раза, Ивановской – в 2,33 раза, Костромской – почти в 2 раза, в Ярославской – в 1,34 раза.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

The authors declare the absence a conflict of interest warranting disclosure in this article.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берендеева А.Б. Демографические вызовы и степень адекватности демографической политики в регионе (на примере регионов Верхневолжья). *Вестник Иван. гос. ун-та. Сер. Экономика*. 2019. № 1/2. С. 11–20.
2. Николаева Е.Е. Дифференциация российских регионов как территориальная деформация в социально-экономической системе страны. *Теоретическая экономика: электр. науч. журн.* 2021. № 12 (84). С. 91–96.
3. Батракова Л.Г. Социально-экономическое неравенство регионов России. *Теоретическая экономика: электр. науч. журн.* 2021. № 10 (82). С. 125–128.
4. Гаязов А.С., Ахметова Г.Ф., Утяшева И.Б., Шамсутдинова Н.К. Социально-территориальные особенности естественного и миграционного движения населения в Республике Башкортостан. *Социологические исследования*. 2020. № 12. С. 75–86.
5. Берендеева А.Б., Зосимова Л.А. Основы демографии: учеб. пособие. Иваново: Иван. филиал ЧОУ ВО «Институт управления», ОАО «Информатика», 2018. 319 с.
6. Рычихина Н.С., Васильева Е.Н. Поддержка женщин как важное направление преломления отрицательного тренда развития демографической ситуации. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2022. Т. 15. № 1. С. 180–192.
7. Синельников А.Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика. *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 83–93.
8. Официальный сайт Росстата. Социально-экономическое положение России, январь–март 2022г. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2022.pdf>
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
10. Соснин Д.П., Столбова Е.А. Территориальная организация местного самоуправления перед вызовом демографического сжатия (на примере Курской области). Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия: сб. науч. трудов II Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 88–92.
11. Официальный сайт Росстата. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году https://rosstat.gov.ru/itog_inspect
12. Коблева З.Х. Феномен сознательной бездетности в условиях трансформации семейно-брачных отношений. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 1. С. 72–78.
13. Кулькова И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на репродуктивные намерения женщин. *Социологические исследования*. 2021. № 5. С. 94–101
14. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора. *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Том 17. № 1. С. 102–120.
15. Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 256 с. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 26.04.2022)
16. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Старение населения в России и Китае: особенности и социально-экономические риски. *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Том 16. № 4. С. 36–48.
17. Берендеева А.Б., Коробова О.О., Рычихина Н.С. Роль экономических факторов в воспроизводстве региональной структуры населения по полу (на примере регионов Верхневолжья). *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2019. № 3. С. 9–18.

REFERENCES

1. Berendeeva A.B. Demographic challenges and the degree of adequacy of demographic policy in the of the regions of the Upper Volga region). *Bulletin Ivan. gos. un-ta. Ser. Economics*. 2019. N 1/2. P. 11–20.
2. Nikolaeva E.E. Differentiation of Russian regions as a territorial deformation in the country's socio-economic system. *Theoretical economy: electric scientific. magazine*. 2021. N 12 (84). P. 91-96.
3. Batrakov L.G. Socio-economic inequality of the regions of Russia. *Theoretical economics: electro. scientific. magazine*. 2021. N 10 (82). P. 125-128.
4. Gayazov A.S., Akhmetova G.F., Utyasheva I.B., Shamsutdinova N.K. Social and territorial features of the natural and migration movement of the population in the Republic of Bashkortostan. *Sociological research*. 2020. N 12. P. 75-86.
5. Berendeeva AB, Zosimova L.A. Fundamentals of demography: a textbook. Ivanovo: Ivan. branch of ChOE HE "Institute of Management," OJSC "Informatics," 2018, 319 p.
6. Rychikhina N.S., Vasilyeva E.N. Support for women as an important direction of refraction of the negative trend in the development of the demographic situation. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2022. T. 15. N 1. P. 180-192.
7. Sinelnikov A.B. Demographic transition and family and demographic policy. *Sociological research*. 2021. N 10. P. 83-93.
8. Official website of Rosstat. Socio-economic situation of Russia, January-March 2022
URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2022.pdf>
9. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: stat. Sat ./Rosstat. M., 2021. 1112 p.
10. Sosnin D.P., Stolbova E.A. Territorial organization of local self-government before the challenge of demographic compression (on the example of the Kursk region)// Regional government, local self-government and civil society: mechanisms of interaction: sat. scientific. works of II Vseros. scientific-practical. conf. 2018. P. 88-92.
11. Official website of Rosstat. Results of selective observation of population reproductive plans in 2017 https://rosstat.gov.ru/itog_inspect
12. Kobleva Z.Kh. The phenomenon of conscious childlessness in the context of the transformation of family-marriage relations. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2022. Volume 18. N 1. P. 72-78.
13. Kulkova I.A. The impact of raising the retirement age on women's reproductive intentions. *Sociological research*. 2021. N 5. P. 94–101
14. Arkhangelsky V.N., Elizarov V.V., Dzhanayeva N.G. Children or material wealth: determination of choice. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2021. Volume 17. N 1. P. 102-120.
15. Demographic Yearbook of Russia. 2021: Stat. Sat ./Rosstat. M., 2021. 256 p. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (accessed date: 26.04.2022)
16. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Aging of the population in Russia and China: peculiarities and socio-economic risks. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2020. Volume 16. N 4. P. 36-48.
17. Berendeeva A.B., Korobova O.O., Rychikhina N.S. The role of economic factors in the reproduction of the regional structure of the population by sex (on the example of the regions of the Upper Volga region). *Modern science-intensive technologies. Regional application*. 2019. N 3. P. 9-18.

18. Сизова О.В., Берендеева А.Б. Демография российских регионов: методы моделирования в анализе демографических процессов: науч. изд. Иваново: Иван. гос. хим.-технол.ун-т, 2021. 116 с.
19. Сизова О.В., Берендеева А.Б., Рычихина Н.С. Использование метода моделирования в анализе факторов смертности трудоспособного населения в регионах России. Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2020. № 2 (62). С. 62–73.
20. Рычихина Н.С. Современные тенденции женской международной трудовой миграции. *Женщина в российском обществе*. 2020. № 1. С. 45–54.
21. Корнеева И. В. Управление человеческими ресурсами проекта: технология, специфика и риски. Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 2(48). С. 64-71. DOI 10.6060/ivecofin.2021482.536.
22. Рычихина Н.С. Инновационный подход к оценке влияния реструктуризации на «жизненный цикл» социально-экономической системы // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика. 2015.№2. С. 68-71
23. Чумаков, М.В, Елизарова, А.А., Берендеева, А.Б. Анализ эффективности и рисков в реализации государственных программ, проектов, стратегий в регионах России // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*, – 2021. – № 2 (66), С. 65-75
24. Коробова О.О. Социально-экономические факторы развития женского предпринимательства. // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*, – 2020. № 2 (62), С. 30-39.
18. Sizova O.V., Berendeeva A.B. Demography of Russian regions: modeling methods in the analysis of demographic processes: scientific. ed. Ivanovo: Ivan. state chemical-technol. un-t, 2021. 116 p
19. Sizova O.V., Berendeeva AB, Rychikhina N.S. Use of the modeling method in the analysis of mortality factors of the working-age population in the regions of Russia. *Modern science-intensive technologies. Regional application*. 2020. N 2 (62). P. 62-73.
20. Rychikhina N.S. Modern trends of female international labor migration. *Woman in Russian society*. 2020. N 1. P. 45-54.
21. Korneeva I.V.. Management of human resources of the project: technology, specifics and risks//News of higher educational institutions. Series: Economy, finance and production management. – 2021. – No. 2(48). – P. 64-71. – DOI 10.6060/ivecofin.2021482.536.
22. Rychikhina N.S.. Innovative approach to assessment of the impact of restructuring on "life cycle" of a social and economic system//the Scientific bulletin of the RANEPА Volgograd branch. Series: Economy. 2015.№2. Page 68-71
23. Chumakov, M.V, Yelizarova, A.A., Berendeeva, A.B. The analysis of efficiency and risks in implementation of state programs, projects, strategy in regions of Russia//Modern high technologies. The regional supplement, – 2021. –No. 2 (66), P.65-75
24. Korobova O.O.. Socio-economic factors of development of women's business. //Modern high technologies. The regional supplement, – 2020. – No. 2 (62), P. 30-39.